ИЗЪ ЗАПИСОКЪ В. С. ПЕЧЕРИНА.

47. Lowe Dominikstreet. Dublin.
Октябрь 1869.

Эпизодъ изъ Петербургской жизни (1830—1833).

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
Пушкинъ.

Бури улеглися—настала какая-то глупая тишина—точно штиль на морѣ. Въ воздухѣ было ужасно душно, все клонило ко сну. Я дѣйствительно начиналъ уже дремать. Мнѣ грезился какой-то вздоръ, какое-то *счастье*: жить въ уединеніи съ Греками и Латинами и ни о чемъ болѣе не заботиться... Вдругъ блеснула молнія, раздался громовой ударъ, разразилась гроза Іюльской революціи... Воздухъ освѣжѣлъ, всѣ проснулись, даже и казенные студенты. Да и какъ еще проснулись! Словно Духъ Святой низошелъ на нихъ. Начали говорить новымъ, дотолѣ неслыханнымъ языкомъ: о свободѣ, о правахъ человѣка и пр. и пр. Да чего тутъ еще не говорили?!...... И мы этому добродушно вѣрили. Sancta simplicitas!

Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не засыпалъ... Ахъ, нѣтъ! виноватъ, грѣшный человѣкъ! Я проспалъ двадцать лучшихъ лѣтъ моей жизни (1840 — 1860). Да что же тутъ удивительнаго! Вѣдь это не рѣдкая вещь на святой Руси. Сколько у насъ найдется людей, которые или проспали всю жизнь, или проиграли ее въ карты! Я и то, и другое сдѣлалъ: и проспалъ, и проигрался въ-пухъ.

Но въ *то время* случилось обстоятельство, надолго помѣшавшее мнѣ заснуть. Попечитель Бороздинъ позвалъ меня къ себѣ. «Вотъ видите, въ чемъ дѣло! Баронъ Розенкампфъ занимается изданіемъ *Кормчей Книги*. Ему надо разобрать и частію переписать Греческую рукопись Номоканона. Вы можете ему помочь въ этомъ. Я освобождаю васъ отъ нѣкоторыхъ лекцій, а именно отъ лекцій Зябловскаго».—Зябловскій былъ скучный и бездарный профессоръ довольно скучнаго предмета: *тогдашней* Русской Статистики. За то онъ ужъ и отомстилъ мнѣ на экзаменѣ, поставивъ мнѣ 3 вмѣсто ожидаемыхъ 4. Но, разумѣется, высшее начальство поправило эту ошибку, и я выдержалъ кандидатскій экзаменъ на славу.

Гдѣ-то, кажется на Садовой, былъ большой деревянный домъ довольно ветхой наружности. Тутъ жилъ баронъ Розенкампфъ.

Каждое утро, въ 8-мъ или 9-мъ часу, я являлся въ его кабинетъ и садился за свою работу. Это была прекрасная рукопись изъ Императорской Публичной библіотеки X-го или XI-го вѣка. Сколько я надъ нею промечталъ! Я воображалъ себѣ бѣднаго Византійскаго монаха въ черной рясѣ,—съ ка-

кимъ усердіемъ онъ выполировалъ и разграфилъ этотъ пергаментъ! Съ какою любовью онъ рисуетъ эти строки и буквы! А между тѣмъ вокругъ него кипитъ безтолковая жизнь Византіи, доносчики и шпіоны снуютъ взадъ и впередъ; разъигрываются всевозможныя козни и интриги придворныхъ евнуховъ, генераловъ и іерарховъ; народъ, за неимѣніемъ лучшаго упражненія, тѣшится на ристалищахъ; а *онъ*, труженикъ, сидитъ да пишетъ... «Вотъ, думалъ я,—вотъ единственное убѣжище отъ деспотизма: запереться въ какой-нибудь кельѣ да и разбирать старыя рукописи!»

Около 4-го часу приходилъ старый, бѣлый какъ лунь, парикмахеръ и окостенѣвшими пальцами причесывалъ и завивалъ посѣдѣвшія кудри барона. Послѣ этого туалета баронъ вставалъ, бралъ меня за руку, и мы отправлялись на половину баронессы къ обѣду.

Баронесса Розенкампфъ была женщина лѣтъ за сорокъ или болѣе. Она была очень блѣдна, и какое-то облако грусти висѣло на ея челѣ; но видны были еще слѣды прежней красоты. Она, говорятъ, блистала при дворѣ Александра I. Баронъ занималъ важное мѣсто: онъ, кажется, былъ предсѣдателемъ законодательной коммиссіи. Но съ воцареніемъ Николая они попали въ немилость и теперь жили въ совершенномъ уединеніи, оставленные и забытые прежними друзьями и знакомыми. Такъ, разумѣется, и быть должно.

Въ гостиной стоялъ великолѣпный рояль подъ зеленымъ чехломъ, но баронесса никогда до него не дотрогивалась. На стѣнахъ были развѣшены произведенія ея кисти, картины, бывшія нѣкогда на выставкѣ (между прочимъ я помню одинъ прекрасный Francesco d'Assisi); но эти картины были задернуты какимъ-то траурнымъ креномъ. Баронесса все оставила, все забыла, и живопись, и музыку. Она не любила даже смотрѣть на эти предметы, напоминавшіе ей лучшее былое. Ея гордая душа вполнѣ понимала смыслъ этихъ словъ Данта: Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria [1]).

Въ этомъ опальномъ домѣ господствовала оппозиція. Всѣ дѣйствія новаго правительства были безпощадно порицаемы. Когда мы читали въ «Journal des Débats» о первыхъ неудачахъ Русскаго оружія въ Польшѣ, баронъ качалъ головою и говорилъ: «Вотъ видите, такъ и выходитъ, что Горацій сказалъ правду: vis consilii expers mole ruit sua!» [2])

Рѣдко кто заходилъ въ этотъ *забвенью брошенный* [3]) домъ, развѣ только иногда зайдетъ А. Х. Востоковъ, по какимъ-нибудь справкамъ для Кормч. Книги. Только однажды, я помню, было нѣчто въ родѣ званаго обѣда. Приглашены были старые друзья барона: пасторъ Англійской церкви, докторъ Ло, Португальскій консулъ, да еще кто-то третій. По этому случаю баронесса немножко принарядилась, подрумянилась, ея блѣдныя щеки оживились, она была очень мила, такъ что я почти въ нее влюбился.

[1]) Т. е. ничего нѣтъ больнѣе, какъ въ бѣдствіи вспоминать о счастливомъ времени.
[2]) Т. е. Сила, безъ руководства разума, рушится отъ собственной тяжести.
[3]) Стихъ Пушкина про Михайловскій замокъ.
П. Б.

Надобно знать, что, въ качествѣ Петербургскаго юноши, я считалъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ влюбляться во всякую сколько-нибудь пригожую женщину..... А она меня дѣйствительно полюбила чистѣйшею материнскою любовью. Она усердно принялась за мое воспитаніе. «Ахъ! какъ жалко, говорила она, какъ жалко, что въ Петербургѣ нѣтъ средствъ для развитія молодаго человѣка!»

Я этимъ ужасно какъ обидѣлся. Мнѣ казалось, что мы съ нашимъ академикомъ Грефе звѣзды съ неба снимаемъ. А теперь, какъ подумаешь, такъ самому становится стыдно. Когда теперь припоминаю тогдашній Петербургскій университетъ, то такъ и руки опускаются. Вѣдь дѣйствительно никакое самостоятельное развитіе не было возможно. Въ преподаваніи не было нечего *серьезнаго*: оно было ужасно поверхностно, мелко, пошло. Студенты заучивали тетрадки профессоровъ, да и самъ профессоръ преподавалъ по тетрадкамъ, имъ же зазубреннымъ во время оно. Да и теперь, по слухамъ до меня дошедшимъ, немного лучше. Да что жь это за напасть такая, что намъ наука вовсе не дается? А вотъ въ чемъ загадка: *законодательствуйте*, *сколько хотите, но ничто вамъ не пойдетъ въ прокъ, если вы идете наперекоръ народному духу*. Для Русскаго свѣжаго, практическаго народа надо бы преподаваніе ограничить предметами первой необходимости, практически-полезными для государственной жизни, напр. Восточными языками, науками физико-математическими, медициною и чѣмъ еще? Юриспруденцію? Ну, тутъ, кажется, надо еще немножко подождать, когда у насъ будутъ законы, а то изъ чего же тутъ хлопотать? Какое тутъ законовѣдѣніе, когда вы не увѣрены, что вчерашній законъ не будетъ завтра же отмѣненъ?... А древніе-то языки ужь и подавно намъ не дались. И не удивительно! Россія вмѣстѣ съ Соединенными Штатами начинаетъ новый циклъ въ исторіи; такъ изъ чего же ей, съ особеннымъ *терпѣніемъ и любовью*, рыться въ какихъ-нибудь Греческихъ, Римскихъ, Вавилонскихъ или Ниневійскихъ развалинахъ! Она, пожалуй, сама сумѣетъ подготовить матеріалы для будущихъ археологовъ и филологовъ. Понятенъ энтузіазмъ къ древнимъ классикамъ въ началѣ 16-го столѣтія, когда Европа, выходя изъ средневѣковаго хаоса, не видѣла предъ собою другой путеводной звѣзды кромѣ Греческой и Римской цивилизаціи.

Это невольно напоминаетъ мнѣ куріозный совѣтъ, данный мнѣ покойнымъ Н. И. Гречемъ, когда я зашелъ къ нему проститься передъ отъѣздомъ за границу. «Да изъ чего же это вы ѣдете учиться за границу? Вѣдь когда намъ понадобится Нѣмецкая наука, то мы свѣжаго Нѣмца выпишемъ изъ Германіи; а вы такъ лучше оставайтесь здѣсь, да займитесь Русскою словесностью». Что я не послѣдовалъ совѣту Н. И. Греча, въ этомъ конечно Русская словесность ничего не потеряла; но все жъ таки не могу не сознаться, что въ словахъ его была доля правды, если подъ Нѣмецкою наукою онъ разумѣлъ классическую филологію.

Но это мимоходомъ. Баронесса Розенкампфъ принадлежала къ чисто-романтической школѣ, и ея идоломъ былъ Гёте. У нея была прекрасная Нѣмецкая библіотека. «Вотъ вамъ Wilhelm. Meisters Lehrjahre, сказала она однажды: читайте со вниманіемъ. Увѣряю васъ, что нѣтъ лучшей книги для окончательнаго развитія молодаго человѣка». Тутъ невольно улыбнешься. Wilh. Meisters Lehrjahre дѣйствительно могутъ развить въ молодомъ человѣкѣ — совершеннѣйшаго эгоиста. Да впрочемъ и самъ Гёте—не тѣмъ онъ будь помянутъ—былъ величайшій эгоистъ.

«Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ».

Прошелъ годъ или два, баронъ окончилъ Кормчую Книгу и написалъ къ ней Нѣмецкое предисловіе, гдѣ упомянулъ о моемъ сотрудничествѣ, и потомъ, какъ добрый работникъ,

Кончивъ тяжкую работу
Многотрудной жизни сей,

онъ слегъ отходнуть, захворалъ и отошелъ на покой. Я проводилъ его на Невское кладбище. Повѣрите ли? Въ домѣ не нашлось *ста* бумажныхъ рублей для его похоронъ. Деньги выдали, кажется, изъ министерства народнаго просвѣщенія, по ходатайству старика Языкова. Баронесса распродала библіотеку покойника и лучшую часть своей мебели, а изъ послѣднихъ денегъ еще дала, по обычаю, обѣдъ духовенству и нѣкоторымъ знакомымъ. Послѣ этого она перебралась на маленькую квартиру въ другой части города.

А я между тѣмъ поступилъ на службу. Меня сдѣлали лекторомъ и субъбиблiотекаремъ при университетѣ и старшимъ учителемъ въ I-й гимназіи. Началась жизнь Петербургскаго чиновника. Я усердно посѣщалъ маленькіе балики у чиновниковъ-Нѣмцевъ, волочился за барышнями, писалъ кое-какіе стишки и статейки въ Сынѣ Отечества; но что̀ еще хуже — я сдѣлался ужаснымъ любимцемъ товарища министра просвѣщенія, С. С. Уварова, вслѣдствіе какихъ-то переводовъ изъ Греческой антологіи, напечатанныхъ въ какомъ-то альманахѣ. Я началъ просто ѣздить къ нему на поклонъ, даже на дачу. Благородныя внушенія баронессы Розенкампфъ изглаживались мало-по-малу. Раболѣпная Русская натура брала свое. Я стоялъ на краю зіяющей пропасти.

Къ счастію, въ одно прекрасное утро, 19 Февраля 1833, очень рано, министръ Ливенъ прислалъ за мною и, сдѣлавъ мнѣ благочестивое увѣщаніе въ піетистическомъ стилѣ, отправилъ меня въ Берлинъ, гдѣ и поручилъ меня благимъ попеченіемъ отъявленнаго піетиста профессора Кранихфельда, главы Берлинскихъ піетистовъ.

Разумѣется, нога моя никогда не была у Кранихфельда. Нѣкоторые изъ товарищей нашли нужнымъ, ради приличія, сдѣлать ему визитъ; но я настоялъ на своемъ и тотчасъ же написалъ отчаянное письмо къ академику Грефе, а черезъ него къ Уварову, что вотъ такъ и такъ, насъ членовъ профессорскаго института, будущихъ профессоровъ Россіи, отдали подъ присмотръ какому-то Берлинскому ханжѣ, который шпіонствуетъ за нами даже на нашихъ квартирахъ

и пр. и пр. Письмо мое имѣло отличный успѣхъ. Къ этому времени Ливенъ вышелъ въ отставку, а на мѣсто его сдѣлался министромъ Уваровъ. Кранихфельда тотчасъ же отставили отъ должности и за это ему дали Владиміра, а насъ изъ духовнаго вѣдомства перевели въ военное, т. е. отдали подъ надзоръ честнѣйшему и благороднѣйшему человѣку, военному агенту генералу Мансурову.

Передъ отъѣздомъ въ Берлинъ, я зашелъ проститься съ баронессою. Она тѣснилась въ маленькой квартиркѣ, но и тутъ ея отличный вкусъ и женскій тактъ удачно сгруппировали остатки прекрасной мебели, обставивъ ихъ разными милыми мелочами и роскошными цвѣтами, такъ что ея гостинная представляла видъ изящнаго будуара. Она очень похудѣла, стала еще блѣднѣе; но ея потускнѣвшія глаза засверкали какою-то материнскою радостью, когда она узнала объ моемъ отъѣздѣ за границу. Съ какимъ жаркимъ участіемъ она меня благословила на новый путь, на новый подвигъ! Я въ послѣдній разъ поцѣловалъ ея руку.

Черезъ два года, въ 1835, я возвратился въ Петербургъ, съ какою неизлѣчимою тоскою въ сердцѣ, съ какими отчаянными планами для будущаго,—не здѣсь мѣсто объ этомъ говорить. Иду по Невскому проспекту—попадается мнѣ на встрѣчу камердинеръ баронши.

— Ахъ, батюшка Владиміръ Сергѣичь! Не можете ли найти мнѣ какого нибудь мѣста!

— Какъ мѣста? Да развѣ ты не у баронши?

— Какая тутъ баронша!—*Она умерла съ голоду!*

Гдѣ ее похоронили? Есть ли надъ нею какой-нибудь памятникъ? Помнитъ ли ее кто-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ?—Не знаю! Но мнѣ ея не забыть! Я не могу ей соорудить памятника: но пусть же хоть *эта* одна слеза благодарности канетъ на ея одинокую могилу! Вѣчная память незабвенной и несчастной баронессѣ Розенкампфъ, урожденной Бларамберъ!

В. Печеринъ.